

A woman in a black dress is shown from the waist down, kneeling in a room filled with debris and trash. She is holding a small, dark object in her hands, examining it. The background is a wall with peeling paint and a window with a broken frame. The overall atmosphere is one of poverty and neglect.

Юлия Самарова

**Сказка
для взрослых
или 100-минутный
фильм**

Юлия Самарова
Сказка для взрослых,
или 100-минутный фильм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39144144

ISBN 9785449365866

Аннотация

Москва – это самый необычный, самый прекрасный и самый ужасный город на земле. Здесь происходит все, и ничего не происходит. Каждый день, здесь рождаются и умирают самые красивые мечты и люди. Здесь невозможно остаться одному ни на минутку и можно умереть от одиночества. И каждый день здесь что-то происходит. Но именно здесь сбываются мечты и реализуются самые дерзкие планы. Впрочем, о чем это я? Читайте, возможно, вы со мной и не согласитесь. Может, именно у вас все иначе, все по-другому.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Сказка для взрослых, или 100-минутный фильм

Юлия Самарова

© Юлия Самарова, 2018

ISBN 978-5-4493-6586-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Все герои вымышлены и никогда не были знакомы друг с другом.

По повелению иудейского царя Ирода волхвы должны были из Вифлеема возвратиться в Иерусалим и сказать ему, где находится Младенец. Но, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, они иным путем отошли в свою страну.¹

Обманутый волхвами Ирод пришел в ярость и повелел убить в Вифлееме и его окрестностях всех младенцев мужского пола в возрасте от двух до нуля лет по времени, которое он выведал у волхвов.²

---

¹ Мф.2:12

² Мф.2:16

Исполняя этот жестокий приказ, воины врывались в дома жителей Вифлеема и его предместий, отнимали у матерей младенцев и предавали их смерти. Четырнадцать тысяч убиенных младенцев стали первыми мучениками за Христа. Плач несчастных женщин был так велик, что, казалось, его слышали в городе Раме.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Чуть выше, между облаками, в очень необычном и красивом месте, в крепком дубовом кресле сидел не менее красивый и крепкий мужчина.

В его загорелой руке и длинных пальцах уютно расположился круглый бокал с не менее крепким напитком...

Комната имела весьма необычный вид: вместо четырех привычных стен были только две, образуя угол.

Две других выглядели как два огромных окна, не имеющие стекол, через которые открывался безграничный вид Иудейской пустыни.

Потолок представлял собой бесконечную синюю бездну. Что в обычной жизни обычно называется небом. На одной из стен полностью расположилась библиотека, уходящая далеко ввысь как огромная бездна знаний... среди которой едва угадывалась дверь – возможно, в другую комнату или в другую жизнь...

На другой стене висел 64-дюймовый плазменный телевизор с разрешением 1920×1080 пикселей и эквивалентной ча-

стойкой развертки 600 Гц, на котором в красках, в хорошем качестве происходила бойня под Вифлеемом и его окрестностями.

– Берт? Сколько младенцев он уже убил? – обратился мужчина к стоящему человеку с планшетом в углу комнаты, закуривая сигару.

– Подходит к десяти тысячам, синьор, – ответил невысокого роста человек, больше напоминающий подросткового ребенка переходного возраста.

– Ну что же, он не нарушит договор. Пожалуй, мы покажем эту картинку Вероне. Пригласи ее, Берт.

Из соседней комнаты послышался мягкий женский голос:

– Не слишком ли это для нее, дорогой?

– В самый раз, дорогая, ей придется жить в этом мире.

Она должна к нему быть готова.

Глубоко вздохнув, женский голос продолжил:

– Ты позволишь этой несчастной матери увезти свое дитя в Египет?

– Да, конечно, – ответил синьор, – и даже дам ей осла и проводника. Какой смысл его убивать со всеми остальными? Он же и так смертник. Милая и трогательная история. Через 30 лет с немногим люди сами зверски убьют его. Ты не поверишь, за чертовски смешные деньги. Чтобы потом молиться на него до скончания света. Люди любят мучеников. Они прикуют свое внимание к нему навсегда. Ведь им просто необходимо чувство вины, чтоб была возможность ее

искупать вечно. Иначе жизнь прожита зря. Вот я дам им превосходную возможность. Хотят Бога – пожалуйста. Сначала убьют, потом будут отмаливать. Опять же, все упорядочено. Они будут так усердно молиться и страдать, что никому даже в голову не придет мысль о наличии кого-то еще. Верона навсегда останется в безопасности. Или о чем это мы?.. Царь Ирод – уязвленный царь-полукровка, он все сделает как надо, он не нарушит договор. Не ведая того, он положит сегодня начало. Вся его жизнь – это бесконечная сделка со мной.

– Твое архитектурное образование не дает тебе покоя, дорогой.

– Ах... Ты права, дорогая, а какую красивую и завораживающую смерть я ему придумал... Он проживет яркую и кровавую жизнь, а умрет заживо изъеденный четырнадцатью тысячами червей. Этот проект – самый масштабный, и он будет работать ближайшие три тысячи лет, – с восхищением выкрикнул синьор.

– Верона-Мария-Виктория-Канто, синьор! Позвольте войти? – немного развернув свое подростковое тело в сторону центра комнаты, с нескрываемым восторгом выкрикнул человек с планшетом, уходя в фальцет на последней фразе.

– Ты сейчас объявил мою дочь как рок-звезду? Или мне показалось? – подняв глаза и не поворачивая головы, переспросил синьор.

– Вам не показалось, – ответил человек с планшетом. – Я

смотрю концерт параллельно на «Ютубе». У меня поет Роберт Энтони Планта.

– Да. Весьма интересный музыкант, – согласился синьор. – В молодости – демонически красив и внешне холоден, в старости – божественно хорош и эмоционально жив.

Они практически запели оба: *Baby...*

Как вдруг непонятно откуда в комнате образовалось милое и бесконечно трогательное существо с босыми ногами и крыльями за спиной. Девочка лет эдак восьми-девяти. В облегающем пастельном платье сиреневых оттенков, с длинными волнистыми волосами цвета вечерней пустыни, залитой солнцем.

– Здравствуй, милая, подойди ко мне. Не хочешь ли ты взглянуть, что там происходит?

Синьор махнул слегка головой в сторону большого монитора, не спуская заботливого и бесконечно теплого взгляда с ребенка, взяв нежно ее маленькие руки в свои и поцеловав по очереди каждую.

– Вовсе нет, – ответила Верона, даже не поворачивая головы в сторону экрана.

– Вовсе нет? Вот как? – удивился синьор, не скрывая улыбки. – И что бы ты хотела сейчас?

– Ну-у-у-у... – Взгляд Вероны повернулся в сторону бесконечной пустыни... – Там, в пустыне, далеко отсюда, бежит скорпион, я хочу оторвать ему лапки.

Это заявление привело синьора в абсолютный восторг. Он

рассмеялся на всю комнату демоническим смехом. Так, что человек с планшетом на некоторое время даже поднял глаза от своего девайса. Повернув голову в сторону пустыни, синьор щелкнул языком. . .

В ту же секунду бегущего скорпиона в глубине пустыни подбросило в воздух, перевернуло на спину и в воздухе оторвало ему все лапки. Приземлившись на песок, лапки аккуратно упали рядом с ним, и только хвост по-прежнему мотался туда-сюда по песку.

– Вот это да-а-а, пап! Как это так? – оживилась Верона.

– Все просто, милая. Никогда не надо делать руками то, что можно сделать силой мысли.

– Но я так не умею, – ответил ребенок.

– Научишься, милая. Ты много чему научишься. Но сначала тебе надо научиться прятать этот милый подарок, доставшийся тебе от твоей мамочки. – Синьор нежно погладил ее белые крылья. – Он не для повседневного ношения. Со временем ты научишься их убирать. Их не должны видеть все кто попало. Это слишком уязвимо для тебя.

Переведя на некоторое время взгляд на экран, закулив сигару, синьор снова вернулся к Вероне.

– Когда я вырасту, я тоже буду курить, – сказала Верона, с удовольствием изучая это магическое действие с сигарой.

– Конечно будешь, – не задумываясь ответил синьор. – Ты проживешь долгую и интересную жизнь. Ты будешь делать все.

– И счастливую? – уточнила Верона.

– Счастье – это слишком накладный аксессуар, детка. Он вызывает некую зависимость, что влечет за собой нестабильность. Я бы не советовал тебе всерьез этим увлекаться. Ты начнешь грустить. Я не хочу, чтоб ты грустила. Ты – радость моего сердца.

– А мама говорит, что у тебя нет сердца, – упиралась Верона.

– Ну-у-у... тут мама не права. Сердце – это часть механизма, его главная часть, просто оно у всех разное. У мамы одно сердце. У меня – другое сердце. Они у нас просто разные. А у тебя оно – третье, твое сердце состоит из моего и маминного ровно пополам, – продолжал синьор, не спуская с дочери любящего взгляда.

– Но сердце страдает, – не унималась Верона.

– Оно не страдает, оно работает, – терпеливо возражал синьор. – Оно работает как часть механизма под названием «организм». Если тебе так угодно, милая. Страдание – это его работа. Эти мамочкины версии видения мира могут сыграть с тобой злую шутку. Я бы не советовал тебе, детка, понимать это буквально.

– Какие у нас цифры, Берт?

– Почти двенадцать тысяч, синьор!

– Bravo! – воскликнул синьор. – Собирайтесь, друзья мои. Мы покидаем Иудейскую пустыню. Нам больше нечего здесь

делать. Здесь уже все произошло.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Тем временем — Москва, наши дни. Прямо здесь и сейчас.

– А-ха-ха-ха, я бы не советовал вам, любезный друг Картон, скидывать все козырные карты. Взгляните, колода еще полная.

– Премного благодарен за вашу заботу, милый Дрон, однако я все же оставляю эту тактику, ибо интуиция мне говорит, что надо решаться... И что это наша милая Чиндрагон загадочно залипла в свои карты?

– Вот она-то под вас и пойдет сейчас, – продолжал Дрон. – Или вы надеетесь на ее любимую комбинацию 6 и 7?

Чиндрагон обиженно подняла глаза на своих коллег по картам и с надутыми губами процедила:

– Хватит мухлевать и подглядывать.

Оба друга закатились полудетским игривым смехом.

– Ну да, ну да, только обманывать и готовы, – сердилась Чиндрагон. – Я все слышу, о чем вы думаете, только не надейтесь, я буду внимательна, вот вчера ночью я слышала: кто-то ходил по крыше.

– Я тоже слышал, – сказал Картон. – Шаги такие странные: шлеп-шлеп-шлеп, прям в диагональ крыши, прям будто маленького роста кто-то.

– И еще как крылья хлопали будто, но крылья большие,

мощные, на голубей не похожи, – добавил Дрон. – Но видно никого не было. Мы ведь с вами одни тут обитаем? На крыше. Или не одни, получается?

– Голуби ночью спят, друзья мои.

– Кто это сейчас сказал из вас? – спросила Чиндрагон.

– Не я, – сказал Дрон.

– Не я, – сказал Картон.

– Мне страшно, – сказала Чиндрагон.

Они сложили свои карты на ящик, поставленный боком в виде стола, закурили и затаились на менее низких ящиках вокруг него в виде стульев. Вроде было тихо. Только ночная Москва спальной ночной окраины глубоко дышала.

– Может, показалось? Не хотелось бы чужих на нашей территории, – сказала Чиндрагон.

– Будем думать, что так.

– Будем, – согласились все трое.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Но им не показалось. Крыша уже была разделена на две части, ровно в диагональ. В другой ее части также сидели и курили двое. Маленький человек с планшетом, больше похожий на ребенка подросткового возраста, и высокая и красивая девушка с длинными волосами цвета залитой солнцем вечерней пустыни. Самым необычным образом на спине у девушки на месте лопаток располагались большие белые крылья, практически закрывавшие ей всю спину. Они

абсолютно не мешали ей, хотя, когда она сидела на ящике, ее крылья почти лежали на полу, закрывая ее колени, что совсем не нарушало гармоничного вида. Даже дымящаяся сигарета в руке не могла испортить ее.

Они еще какое-то время сидели молча. Маленький человек по-прежнему залипал в свой планшет, а девушка, не расставаясь с сигаретой, смотрела куда-то вдаль, туда, где небо уходило в горизонт.

– Верона, они же не смогут тебя увидеть – эти наши соседи по крыше?

– Нет, Берт, они меня ощущают, возможно слышат, а вот увидеть – вряд ли, – ответила девушка. – А вот тебя они слышат и видят, поэтому не спеши с ними здороваться. Пусть это произойдет как можно позже.

– Итак, детка, – продолжил Берт, – напомни, зачем мы здесь?

– Ну, я – оттого, что у меня есть ряд нерешенных вопросов, ну а ты, видимо, потому, что тебя папа попросил... Или какой у вас там договор? Типа присматривать за мной.

– Не присматривать, а помогать, если что... – обиженно проговорил Берт.

– Ну вот видишь? Сам все знаешь, – неожиданно мягким голосом сказала Верона. – Ты же проводник, работа у тебя такая, между этим светом и тем, между проекциями и мной, между мамой и папой... Если вдруг что-то... Я же без тебя могу наделать всякие неразумные вещи, если вдруг совсем

потерю баланс между маминой и папиной половиной.

Она говорила таким мягким, обволакивающим и завораживающим голосом, что, если бы кто-то подслушал их со стороны, это бы звучало не меньше чем признание в любви. Оборвав ее на полуслове, Берт воскликнул:

– Спасибо, Верона, я понял.

В ту же секунду крылья с оглушающим хлопком распались, подняли ее вверх, и девушка уже как коршун оказалась прямо над его головой, ее глаза смотрели ему прямо в глаза, только сверху, их залила черная ночь, глазницы стали пустыми и бездонными... Верона сделала глубокий выдох, что было больше похоже на шипение.

– Все время забываю, Верона, какой у тебя размах крыльев? – спросил Берт, не меняя своего сидячего положения и не выпуская из рук своего планшета.

– А-ха-ха-ха! – засмеялась Верона совершенно детским смехом, уже сидя напротив него и вертя в своих длинных и тонких пальцах новую сигарету. – Три с половиной метра, Берт.

– Да. Забыл. Всегда удивлялся, как ты умудряешься их прятать? – спросил он вежливо, поднеся зажигалку к ее сигарете.

– Папа научил, – кивнула в ответ девушка, выдыхая дым. – Хороша бы я была в Москве с крыльями?

– Бог мой! – воскликнул Берт. – Так ты не иначе как намерена здесь задержаться?

– Как думаешь, Берт? Какие туфли мне бы подошли? Только так, чтоб было красиво, – спросила девушка, вытягивая свою красивую босую ножку.

– Демон мой! – воскликнул он еще раз. – Ты намерена опуститься еще ниже? Ты будешь ходить по земле ногами, и еще к тому же в туфлях?

– Скажи мне, Берт, почему ты все время вспоминаешь то маму, то папу? Ты уже выбери кого-нибудь одного и цитируй. А то никак ты не определишься за столько лет.

– Не могу, детка. Они мне дороги оба, я не готов отказаться ни от кого из них.

– Вот и я не готова, – согласилась Верона с тоской в своем снова уже мягком голосе.

– Смею надеяться, детка, что ты не станешь разрушать этот город? Что мы здесь не для того, чтоб убивать этот город, и этот мир, и этих людей?

– А за что ты их так любишь, этих людей? Чем они заслужили твое участие, Берт?

– Ну-у-у... Твои предки любили людей. Со стороны мамы, во всяком случае, – с некой неуверенностью проговорил Берт.

– Ага. И вспомни, что они с ними сделали. Папа всегда говорил: «Люди алчны и продажны, не стоит принимать всерьез их интересы».

– И все же, детка, не стоит спешить. Твой папа никогда не осуществлял поспешных решений. Каждый его проект ге-

ниален. Хотя безбожен и жесток.

– О да. Папа – художник, а точнее архитектор, у него все выстроено красиво. Мечь – холодна. Все – шоу, до последнего шага. Мне не хватает его хладнокровия. Я страдаю от этого. Впрочем, хватит об этом на сегодня. Я не буду осуществлять глобальных катастроф и поспешных решений. Я хочу тут погулять. Мне скучно, Берт. Я хочу развлечь себя. Если получится. Посмотреть это кино – Москва, и как минимум у меня есть уже первые три серии этого сериала. Вот они сидят на том конце крыши и беззаботно играют в карты. И это очень тревожный знак. Их оригиналы живут в этом доме, с них и начну.

Она встала в полный рост, взмахнула крыльями и улетела, оставив крышу, поделенную в диагональ на две половины.

– Отчего это сегодня такой сильный ветер? – спросила Чиндрагон. – Нас чуть не сдуло с мест.

– Больше чем странно, – согласился Картон. – Тем более что этот ветер продолжался ровно тридцать секунд, не больше. Теперь опять все стихло.

– Да? Да за эти тридцать сек мы чуть с крыши не слетели! – почти плакала Чиндрагон.

– Ну не улетели же, – успокаивали ее остальные.

– Ох, не к добру это все: сначала шаги, крылья хлопали, а теперь еще ветер, днем никакого покоя нет, и теперь еще тут что-то происходит, я чувствую, я слышу, что-то случи-

лось, – хныкала Чиндрагон.

Дрон и Картон в ответ только растерянно пожимали плечами. Решили пойти по домам. Дома ни о чем не думать, чтоб не притягивать плохое. Ибо мысли материальны.

Светало. Над Москвой поднималось солнце. Начинался новый день. Крыша опустела. Последним покинул ее маленький человек с планшетом. Не выпуская его из рук, он исчез в первых лучах солнца.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Проекция (лат. projectio – бросание вперед) – психологический процесс, относимый к механизмам психологической защиты, в результате которого человек ошибочно приписывает кому-то или чему-то собственные мысли, чувства, мотивы, черты характера, определенные действия и пр., полагая, что это происходит извне, а не внутри него самого. И кто знает, в какую степень это может зайти? И кто сказал, что проекция не начнет жить своей собственной жизнью?

Так и случилось. В какой-то момент проективный механизм сработал иначе. Люди научились жить иначе. Без эмоций и прочих затрат. Они не напрягаясь обижали, унижали или были просто безразличны друг к другу. Люди утратили чувства. Перестали эмоционально затрачиваться. Научились страховать себя от переживаний, от эмоций, которые приво-

дят к страданиям или могут к ним привести. Они косячили, и им ничего за это не было. И это вошло в привычку. Кто-то больше, кто-то меньше. Какая уже разница? И в связи с этим три весьма забавных маленьких человечка на крыше были не кто иные, как самые настоящие проекции. Как любые проекции, они имели своих оригиналов. Оригиналами являлись на первый взгляд самые обычные люди. Ничем не отличающиеся от всех остальных жителей мегаполиса. И все же это было не так. Само появление проекций уже говорило о том, что произошел сбой в системе и все уже сильно изменилось. Произошел сбой в системе ценностей людей. Их интересов и приоритетов.

Люди научились жить без любви. И это ли не чудо эволюции человеческих страданий?

Зачем тратить свою жизнь и прожигать так расточительно? Отсутствие любви не только сохраняет нервы, оно еще отлично сохраняет твой кошелек. Однажды за три копейки они купили прививку от любви и применили ее. С удалением из жизни любви одиночество и жадность увеличились в геометрической прогрессии. И прививки от них стоили три миллиона. Их к тому же никто не продавал.

Брошенный или отвергнутый парень больше не страдает, у него нет необходимости тратиться на цветы, конфеты, шубы... Он научился без этого обходиться. Он купит себе пиво и интернет. Все остальное в свободном доступе. Или увлечется работой. Или не увлечется. Все остальное можно ку-

пить. И можно все что угодно. Или почти все.

Девушкам стало совсем не обязательно пытаться создать отношения на основе любви. Достаточно было руководствоваться финансовыми потребностями. Вдруг ей повезет? Ей с неба свалится все, что может свалиться. Она ведь такая красавица. И этого хватит. А свалиться должно обязательно. Иначе жизнь – говно. И все вокруг просто уроды. Ну, на худой конец можно просто увести стоящего парня. А если нет денег и ты совсем одна, это вообще скучно. Очень даже тоскливо.

Ну, не станем обобщать. Но. Именно по таким темам жили в московской многоэтажке, жили уже давно очень многие и три отдельно взятых человека. И в какой именно момент произошел сбой в системе, сейчас уже не вспомнить. Но именно они, эти трое, накосячили много и сильно, тем самым и создали проекций. Этих милых, веселых человечков, которые каждую ночь тусовались на московской летней крыше, поделенной в диагональ. Они были настолько милыми и трогательными, что наблюдать за ними было просто одно удовольствие, как будто смотришь детские добрые мультики. Даже их хулиганства и некая дерзость виделась как детская и очень искренняя шалость. Они болтались по ночам на этой крыше, играли в карты, веселили друг друга и читали одну-единственную книгу – учебник общей психологии для студентов вуза факультета психологии. Его однажды забыли студенты, которые усиленно готовились к экзамену

на этой крыше. Но они не просто были проекциями своих оригиналов – они были их положительными качествами, которым стало тесно. От переизбытка негатива, зла и просто отсутствия добрых эмоций положительное и доброе – все, что осталось в этих людях, – почему-то не умерло, не задохнулось, а просто выскочило из тела и материализовалось в проекцию, живущую рядом, страдающую и переживающую за оригинала, неразрывно связанную с ним, но уже живущую своей жизнью. И это был очень тревожный знак. Люди утратили интерес к жизни и разучились радоваться простым вещам. Появление проекций означало нарушение некоего равновесия, что являлось бомбой замедленного действия. А пока на крыше обычной московской многоэтажки по ночам три милых маленьких человечка играли в карты, под утро хлопали крылья, и с сигаретным дымом тусовался невысокого роста человек с планшетом.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

*Социопатия (лат. socium – общество и др.-греч. pathos – болезнь) – это расстройство поведения, при котором личность (человек) нарушает/игнорирует права людей, отказывается соответствовать нормам общества. Короче, социопат – это человек, генетически лишенный совести.*³

Виктор Семенов жил на четвертом этаже московской мно-

---

³ Из учебника общей психологии, забытого на крыше.

гоэтажки. В большой и почти уютной квартире. Сказать, что она была чем-то плоха, было бы неправильно. Достаточно светлая, достаточно большая для одного – 150 метров, не бедная. Хотя по сегодняшним московским меркам сложно что-либо утверждать. Но 150 метров на одного, пожалуй, даже круто. В прошлом у него была семья – жена и двое детей. Пару лет назад его жена забрала двоих детей, сына Артема 17 лет и дочь Катю 5 лет, и ушла в никуда. На съемную квартиру.

Виктор работал на американском фондовом рынке, в связи с чем имел специфический график работы. Прилично преуспев в карьере, являясь человеком небедным, мог позволить себе работать удаленно и проводить по желанию зимние серые московские сезоны на теплом море или в более приятной климатической части земного шара. Ах, и квартира-то такая большая, и деньги-то есть, а что-то все же было не так. Он слонялся по своим 150 метрам, не находя себе покоя. На большом столе было открыто сразу два ноута. Один мониторил фондовый рынок, второй был открыт на сайте знакомств. Виктор мониторил сразу оба.

Тишину разорвал звонок мобильного телефона.

– Здравствуй, пап, – сказал голос на другом конце.

– Здравствуй, сын, – ответил Виктор Семенов.

– Как твои дела, пап?

– Хорошо дела, сын, спасибо, что спросил. Что у тебя? Ты учишься?

– Нет, пап, я вынужден был бросить, маме очень плохо, она в больнице, и, похоже, нам нужна твоя помощь: маме необходима операция. Если ты не дашь денег, она умрет.

На некоторое время Виктор закрыл глаза, на его лице появилась умиротворенная улыбка. Он удовлетворенно выдохнул, но в ту же секунду ощутил рядом с собой еще чье-то дыхание. Холодок пробежал по спине, он резко обернулся. Странно: рядом было пусто, но чье-то чужое дыхание слышалось еще отчетливее.

– Пап? – слышался голос Артема в трубке.

– Знаешь, сын, я давно говорил тебе, ты должен жить со мной. У тебя будет возможность учиться. Ты получишь должное образование, а это гарантированное будущее. У меня не было таких возможностей, мне пришлось слишком тяжело, и образование далось мне дорогой ценой, я предлагаю тебе совсем другие условия, только учись.

– Пап, мама умирает. Катя очень маленькая, она все время плачет. Если ты не дашь денег на операцию, она умрет, я буду поднимать Катю, но я не смогу заменить маму, она очень привязана к ней, она еще такая маленькая.

– Ты знаешь, сын, мой отец – твой дед был беспробудной пьянью, как последний сапожник. Мне было стыдно перед друзьями и соседями. Ты же можешь с гордостью говорить своим друзьям, что твой отец работает на американском и английском фондовых рынках, может дать тебе превосходное образование, а это, поверь, дорогого стоит. Деньги с неба

не падают. Твоя мать меня предала, она ушла сама, и это ее выбор, как, впрочем, и сдохнуть в этом бомжатнике для малоимущих.

– Пап, как же Катя? Она не сможет без нее.

– Твоя сестра – достойное продолжение твоей матери. Видимо, так положено судьбой. Если надумаешь получить хорошее образование, мое предложение по-прежнему в силе.

Скинув разговор, Виктор Семенов судорожно метнулся к ноуту, на котором был открыт сайт знакомств. Пробежавшись по ленте новостей, он вдруг увидел Анечку. Миленькую девушку, с которой пару месяцев назад пил кофе в кафе и которая почему-то больше не перезвонила. Надо же. Странно. Анечка работала в реанимации института крови им. Сурназяна. Зарабатывала копейки по сравнению с Виктором, по определению должна была быть заинтересована в таком перспективном знакомстве. Набирая текст сообщения, Виктор еще сильнее ощутил за спиной чье-то чужое дыхание.

Еле сдержав смех, стоявшая за спиной Верона отошла от него и села напротив в удобное, но неудобное кресло. Поводила пальцами в воздухе, и перед ее глазами завис планшет Берта, на котором синхронно отразилась переписка Виктора Семенова и Анечки из реанимации института крови им. Сурназяна.

«Здравствуйте, Аня. Это Виктор Семенов. Мы с вами пару мес назад около моего дома пили кофе в кафе, вы еще

не захотели зайти ко мне в гости. Если вы еще никого себе не нашли, может, попробуем еще раз?»

«Что попробуем еще раз?» – игриво спросила Анечка, сопроводив вопрос двумя веселыми смайликами.

«Как что? – раздраженно переспросил Виктор. – Выпить кофе в кафе около моего дома».

«Ахахаха... ну, может, как-нибудь попробуем», – засмеялась девушка.

«Я сейчас вам позвоню, и мы обо всем договоримся, – ответил Виктор. – Я не люблю переписку, мне удобнее разговаривать с человеком, я не люблю эту бесполезную переписку».

«А мне удобно писать, я на работе, тут люди вокруг, после операций отдыхают, разговаривать не принято».

«Что еще писать? Если да, значит, да. Нет – нет, зачем мне время терять?» – уже с нескрываемым раздражением продолжал Виктор.

«Нет», – спокойно продолжила Анечка.

«Что нет?» – еще раз спросил он.

«Нет – это значит, не станем пить кофе».

«Ты же сказала, выпьем».

«Передумала», – не сдавалась девушка.

Прочитав такое, Виктор Семенов пришел в ярость.

«Ах ты проститутка, шлюха больничная, ты же трахаешься с каждым на этом сайте. Ты сама говорила мне. А теперь говоришь „нет“. Может, ты денег хочешь? Скажи сколько?»

И вопрос будет решен. Сколько ты там в этой своей богдельне зарабатываешь? Денег хочешь? Шлюха».

Прочитав такие потоки изрыганий, девушка слегка растерялась, но, как перед операционным столом, мгновенно взяла себя в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.